

«ГДЕ МОИ СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ? НА БОЛЬШОМ КАРЕТНОМ...»

(СЕГОДНЯ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО)

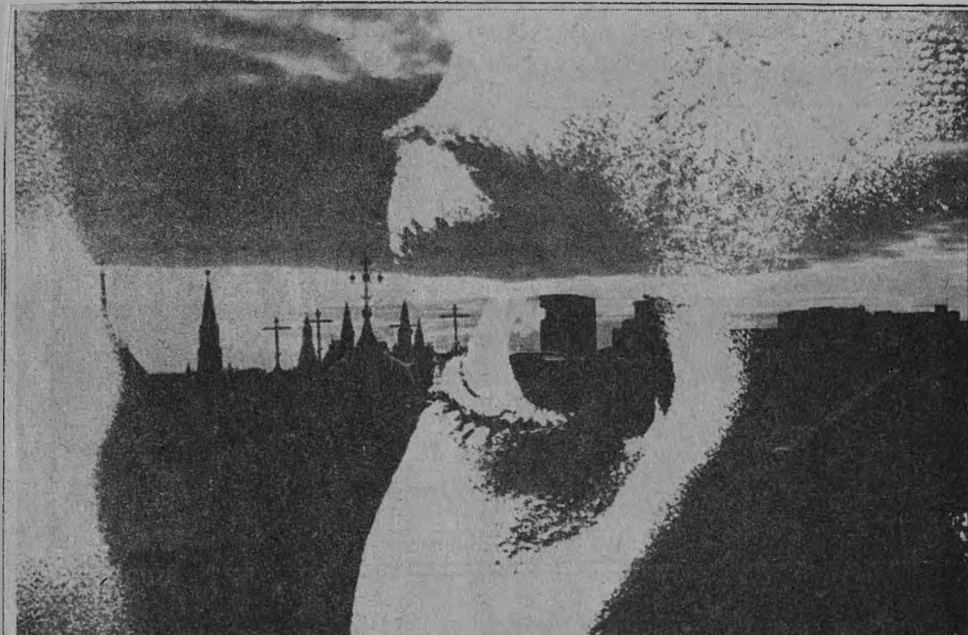
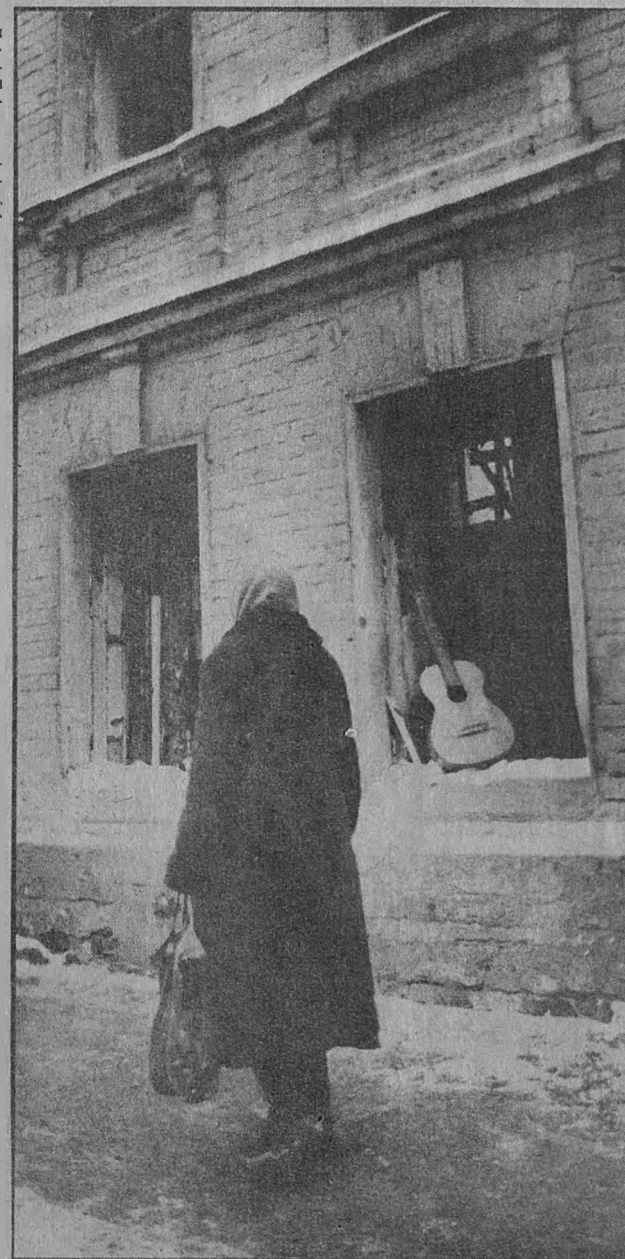
чается в том, что непонятно, где кончаются его стихи, а где начинается судьба; с его обликом вообще не вяжется письменный стол, то, что он создал, кажется, было не написано, а выкрикнуто. И потому, наверное, услышано сразу целой страной.

Фотокорреспондент снял дом у Рижского, где родился Владимир Высоцкий. Говорят, где-то здесь живет старушка, которая его чуть ли не нянчила. Его нет, а старушка живет...

Запечатлен на пленке и Большой Каретный — переулок знаменитой песни. Говорят, где-то бродит среди этих домов хмельной аккордеонист, который был другом поэта.

Легенда, словно королевская мантия, тянется за великими поэтами, и фанаты, эти верные их пажы, бережно поддерживают ее.

Лев НОВОЖЕНОВ.
Александр АСТАФЬЕВ
(фото).

У гениальных стихов есть, кроме всего прочего, еще одно замечательное свойство: читаешь и думаешь, Боже мой, ну до чего же просто! Как это тебе самому не пришло в голову? Как? «Где мои семнадцать лет?».

Когда читаешь Высоцкого, хочется отложить все и — была не была! — самому пуститься в сочинительство. И лишь профессионалу дано удержаться от искушения, отогнать этот морок: где уж там, кишка тонка.

Люди, подобные Высоцкому, делают престижным любое ремесло, за которое ни возьмутся, а если оно уже было престижно, взвинчивают этот престиж до небес.

Недаром после Высоцкого состоялся массовый призыв молодежи в писание песен, предназначенных для исполнения под гитарный аккомпанемент, но никто, буквально никто уже не повторил его успех, потому что гении — ах, как не вяжется к нему это слово, да что ж делать, другого нету — не живут по прецедентам, они сами их создают.

Откуда он? С какой такой звезды к нам пришел? Чем мы заслужили его явление в мир?

Страданием. Общее наше страдание, хождение всех нас по мукам эпохи сделали возможным то, что сейчас называется поэзией Высоцкого. Это поэзия тюремных нар, колючей проволоки, немислимых этапов, именно так, даже если в некоторых, во многих стихах об этом ни полслова. Так — всем строем своим, сутью, сущностью.

Мы все родом из тюрьмы, включая сюда и тюремщиков. Никуда не денешься. Сидели, вышли, или еще сидим, или еще сядем.

И ведь не Карузо, голос имею в виду. Так не поют на сцене, вернее, раньше не пели, сейчас-то уже поют, под него поют, ссылаясь, нивая на него.

Загадка Высоцкого заклю-

